

Вечерню въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Преосвященный Палладій. Послѣ великаго прокимна Владыка сказалъ слово на тему: Св. Четырдесятница—обновленіе душамъ. По окончаніи вечерни прощаться съ духовенствомъ и народомъ выходили Преосвященный Палладій и Преосвященный Діонисій.

Собраніе проповѣдническаго кружка.*)

Докладъ прот. В. И. Воробьева о внѣшнихъ техническихъ приѣмахъ импровизаціи.

Сила, которая ведетъ армію къ побѣдамъ, къ великимъ завоеваніямъ, заставляетъ забывать всѣ трудности и всѣ невзгоды боевой жизни, есть духъ солдата. Но одного духа, какимъ бы подъемомъ или напряженіемъ онъ ни отличался у солдата, не достаточно. Необходимо, чтобы тѣло воина было послушнымъ и умѣлымъ орудіемъ его духа. Солдаты цѣлые недѣли и даже мѣсяцы посвящаютъ на маршировку, внѣшнюю выправку и изучаютъ приемы свободнаго владѣнія оружіемъ.

Сила, которою борется проповѣдникъ Христовой Церкви съ исконнымъ врагомъ всего человѣчества, заставляетъ и радоваться, и рыдать своихъ слушателей, идти на борьбу и страдать, есть проповѣдническій духъ, укрѣпляемый и развиваемый благодатью всепроникающаго Животворящаго Духа.

Живое, свободное, изустное слово проповѣдника требуетъ отъ него не только благодатнаго дара Св. Духа, его личной одухотворенности, матеріальнаго запаса знаній, но и знакомства съ нѣкоторыми техническими приѣмами импровизаціи.

Отцы, съ этими приѣмами въ своемъ посильномъ словѣ я познакомлю васъ, а мои ученики подтвердятъ всю пригодность ихъ. Одинъ изъ нихъ изустнымъ живымъ словомъ воспроизведетъ проповѣдь, приготовленную имъ заранѣе. Другой—живымъ свободнымъ словомъ произнесетъ проповѣдь *ex improviso* на текстъ, данный ему сейчасъ однимъ изъ о.о. членовъ Кружка.

Проповѣдникъ долженъ помнить всегда, что ему необходимо дважды пережить свою проповѣдь всѣмъ существомъ своей души и особенно сердцемъ. Въ первый разъ—во время своего творчества; вторично, но съ большимъ подъемомъ и воодушевленіемъ,—на церковной кафедрѣ.

То состояніе, которое называется проповѣдническою лихорадкою, въ большей или меньшей степени приходится переживать предъ выходомъ на амвонъ всякому, особенно начинающему проповѣднику—импровизатору и даже опытному; но послѣднему тогда, когда онъ готовится выступить или по какому либо осо-

*) См. № 4 „Сарат. Епарх. Вѣд.“ Доклады и рѣчи о.о. ораторовъ передаются только съ приблизительною точностью.

бенному случаю или съ словомъ, куда онъ вложилъ много своей души. Но этому состоянію духа ни подъ какимъ видомъ поддаваться нельзя. Твердо, неуклонно, нужно идти на церковную кафедру и проповѣдывать свободно, смѣло и неустрашимо. Спиритъ говоритъ: „многіе таланты пропадаютъ для міра отъ недостатка мужества“. Проповѣднику, облеченному священнымъ саномъ, сопутствуетъ и содѣйствуетъ благодать Св. Духа. Его въ эту страшную и отвѣтственную минуту должна укрѣпить молитва. Проповѣдникъ долженъ горячо, пламенно молиться Слову жизни, чтобы его проповѣдь была словомъ жизни и теплоты. Совѣтъ этотъ даетъ Стурдза.

Проповѣднику помогаетъ сверхъестественная помощь, помогаютъ и естественныя условія. Здѣсь опытно приходится убѣждаться въ реальности психологическаго закона взаимоотношеній оратора и толпы, который устанавливаетъ Эспинасъ. Эспинасъ говоритъ, что между говорящимъ и толпою устанавливается тѣсное взаимоотношеніе, и онъ изображаетъ это на цифрахъ. Настроеніе говорящаго должно быть приподнято и мы его выражаемъ цифрою 10 (цифры беру произвольныя). Настроеніе аудиторіи, предъ которой ораторъ будетъ держать свою рѣчь, можетъ быть отмѣчено 0 или 1. Послѣ первыхъ словъ оратора настроеніе его слушателей невольно поднимается и поднимается мгновенно. Ораторъ не можетъ каждому передать всю силу и весь подъемъ своихъ переживаній, но въ среднемъ приблизительно онъ даетъ каждому половину своего настроенія. Если въ аудиторіи было 200 человекъ, то настроеніе цѣлой аудиторіи должно выразиться на цифрахъ уже не 0 или 1, но ровно 1,000, такъ какъ каждый слушатель въ среднемъ будетъ переживать 5. 5 должно будетъ помножить на 200: столько всѣхъ слушателей; значить произведеніе даетъ въ итогъ 1000. Въ свою очередь каждый изъ слушателей съ быстротою молніи отдаетъ половину своего настроенія оратору $200 \times 2\frac{1}{2}$ —въ результатѣ получаемъ 450. Прибавляемъ 10—число, обозначающее подъемъ оратора при его выступленіи на кафедру. Итого—настроеніе говорящаго уже не 10, а 460. Ораторъ половину своего настроенія 230 передаетъ каждому изъ слушателей. Слушатели снова отдаютъ оратору долю своего подъема и т. д., но, конечно, до извѣстнаго предѣла: въ этомъ мѣрѣ все имѣетъ свою природу. Вотъ этотъ ораторскій или проповѣдническій подъемъ быстро изгоняетъ всякій страхъ, всякое волненіе у говорящаго предъ толпою. Рѣчь льется тогда легко, свободно, плавно, мѣстами сильно, съ экспрессіями, временами то тихо, словно замирая.

Предъ выходомъ на кафедру проповѣдникъ долженъ продумать тонъ своей проповѣди. Не совѣтую пересказывать ее отъ

начала до конца потому, что проповѣдникъ тогда не будетъ чувствовать той свободы словъ, образовъ и выраженій, такъ необходимой для творчества, если онъ повторить отъ слова до слова созданную имъ проповѣдь.

При вступленіи на амвонъ проповѣдникъ становится не на коверъ, а на самый полъ и долженъ взяться обѣими руками за аналой, чтобы почувствовать твердость, опору рукъ, ногъ, а вмѣстѣ съ ними и всего своего корпуса. Наша душа создана такъ, что во время творчества она нуждается, чтобы вниманіе наше было приковано къ чему нибудь вещественному. Епископы говорятъ проповѣди, опираясь твердою рукою на архіерейскій жезлъ, іеромонахи держатся за монашескія четки, временами перебирая ихъ въ своихъ рукахъ. Я видѣлъ говорящимъ проповѣдь о. Іоанна Кронштадтскаго. Его руки были сложены на груди. Я знаю одного священника, который тогда только начинаетъ говорить свою проповѣдь, когда сожметъ обѣ свои руки. Свѣтскіе ораторы—адвокаты, депутаты, когда говорятъ, то непременно найдутъ для себя въ чемъ либо опору или опираются на пюпитръ, на кафедру или стулъ. Въ брошюрѣ д-ра Вильгельма: „Искусство говорить публично“ изображенъ рядъ говорящихъ ораторовъ и всѣ они почти имѣютъ какую нибудь опору. Виндгорстъ, который говоритъ съ большимъ подъемомъ и страстностью, всегда становился лишь у подножья трибуны, клалъ руку на какую нибудь опору и тогда начиналъ лишь говорить.

Чтобы проповѣднику не потерять душевнаго равновѣсія въ самомъ началѣ проповѣди, необходимо свой взоръ устремить въ безпредѣльное пространство и на время лишь отрѣшиться отъ народа, который приготовился его слушать. Не каждый проповѣдникъ и особенно неопытный въ состояніи часто выдержать испытующаго взгляда слушателей или можетъ быть того шопота, который пронесется по ихъ рядамъ. Мое мнѣніе—такое: проповѣдникъ пусть лучше всего свой взоръ вперитъ на св. икону, которая находится на западной стѣнѣ храма. Молитвенно настроенный у нея пусть ищетъ онъ вдохновенія. Не отрываясь отъ лика Господа или Царицы Небесной или святаго, изображеннаго на св. иконѣ, проповѣдникъ пусть произноситъ начало своей проповѣди. Быстро освоившись, захваченный настроеніемъ толпы и своимъ, онъ смѣло, вдохновенно будетъ излагать свои мысли и мольбы, пожеланія и проч. Подъемъ бываетъ настолько силенъ, что если бы явился самъ сатана съ своимъ бѣсовскимъ воинствомъ и онъ не устрасилъ бы тогда проповѣдника. Я знаю одного смиреннаго служителя слова, который искалъ всегда поддержки, вдохновенія, экстаза у грознаго лика Христа, судящаго все человѣчество въ великій день страшнаго суда. (Это было

изображено на противоположной отъ проповѣдника стѣнѣ храма.) И въ высоко приподнятой рукѣ Спасителя міра онъ созерцалъ для себя и принималъ благословеніе Вѣчнаго Слова жизни. Для слушателей взоръ проповѣдника, скользящій сверхъ ихъ головъ и устремленный выше въ незримую для нихъ даль, имѣетъ громадное значеніе. Они невольно, стихійно подчиняются проповѣднику, проникаясь чувствомъ уваженія къ нему, и обычно стихаютъ скоро, временами даже мгновенно.

Но это особенно бываетъ тогда, когда проповѣдникъ начинаетъ произносить свою рѣчь или проповѣдь тихо, медленно. Вниманіе слушателей напрягается, они настораживаются. Для проповѣдника тихій, невысокій тонъ важенъ потому, что онъ дѣлаетъ большую экономію для своихъ духовныхъ и физическихъ силъ. Онъ не утомляетъ себя въ самомъ началѣ. У него тогда хватитъ голосовыхъ средствъ не только для среднихъ, но и для самыхъ высокихъ тоновъ, гдѣ нужны экспрессіи и можетъ быть даже цѣлый паѳосъ. Медленная рѣчь, въ началѣ съ остановками, хотя бы цѣлый потокъ словъ готовъ былъ вырваться, какъ не удержимая лава, изъ устъ проповѣдника создаетъ ему самообладаніе: тогда всѣ силы и способности души проповѣдника подчиняются его одной лишь волѣ, которая царитъ надъ ними. Вотъ почему знаменитые проповѣдники—импровизаторы архіепископы Амвросій харьковскій, одесскіе Димитрій, Никаноръ-Иннокентій и смоленскій епископъ Іоаннъ всегда въ началѣ говорили свои проповѣди тихо, медленно и только уже потомъ возвышали свои голоса, воодушевлялись и произносили быстрѣе. Архіепископъ Амвросій въ своемъ „Живомъ словѣ“ пишетъ: „если хотите при импровизаціи владѣть собою, говорите, особенно вначалѣ слова, медленно, какъ бы намѣренно вяло, будто разминаясь и расправляя свои члены. Пусть въ душѣ все кипитъ и волнуется, но волненію, какъ пару въ котлѣ, нѣтъ свободнаго выхода; клапанъ медленно раскрывается, сила внутренняго давленія сдерживается и машина движется медленно, регулируясь и развертываясь постепенно въ своихъ частяхъ. Этотъ пріемъ одинаково нуженъ и для людей скоро говорящихъ и для тѣхъ, кто выражается медленно“.

Проповѣдникъ долженъ особенно хорошо знать вступленіе и заключеніе своей рѣчи. Первые слова проповѣди нужно основательно знать для того, чтобы не смутиться или не сбиться въ самомъ началѣ, а это грозитъ опасностью—или ничего не сказать или потерять самообладаніе, и произнести вяло и блѣдно свое слово. Вступительныя слова еще не имѣютъ такого важнаго значенія, какъ заключеніе. Здѣсь вполнѣ справедлива народная пословица: „Конецъ—дѣлу вѣнецъ“. Глубоко пережитая,

прочувствованная послѣдняя фраза рѣчи, образно переданная, производитъ сильное, временами ошеломляющее, словно громъ, впечатлѣніе. И всѣ слабыя мѣста рѣчи, ея неровности, шероховатости, повторенія бывають забыты слушателемъ. Очарованный или растроганный народъ весь тогда находится подъ обаяніемъ послѣднихъ словъ оратора или проповѣдника.

Неизбѣжными невольными остановками во время произнесенія своихъ словъ проповѣдникъ не долженъ смущаться. Остановки могутъ быть отъ шума, крика, какого нибудь несчастія въ храмѣ или рѣчь проповѣдника прервется вслѣдствіе его забвенія что дальше говорить. Въ такихъ случаяхъ, конечно, нужно остановиться, немного отдохнуть, своего самообладанія ни на минуту не терять. Остановки, которыя кажутся мучительно долгими для говорящаго, совершенно не производятъ такого впечатлѣнія на народъ. Народъ очень часто считаетъ ихъ явленіемъ необходимымъ. Стурдза совѣтуетъ: «въ составѣ поученія оставимъ промежутки для молитвенныхъ воздыханій. Ибо слово учительное... безъ молебнаго слова—всегда бываетъ бесплодно и бессильно». Послѣ паузы проповѣдникъ можетъ повторить или разъяснить послѣднюю высказанную имъ мысль или новую, но раскрывать ее въ связи съ основной идеей проповѣди. И часто бываетъ, забытое быстро воспроизводится тогда. Это психологически объясняется тѣмъ сильнымъ напряженіемъ способностей души, которыми живетъ проповѣдникъ, и, въ частности,—памяти.

Проповѣдь должна продолжаться не болѣе 8—10 минутъ для натуръ нервныхъ, горячихъ, пылкихъ, которыя быстро расходуютъ свою энергію и скоро устають. Проповѣдь должна воодушевить, зажечь душу огнемъ или умирить, но это совершенно не подъ силу проповѣднику, когда силы его будутъ ослабѣвать. Для людей болѣе спокойныхъ проповѣдь можно продолжать до 15 минутъ. Натуры хладнокровныя медленно воодушевляются и также постепенно успокаиваются. Проповѣдь не должна продолжаться болѣе 15 минутъ. Современная жизнь идетъ быстрымъ нервно-напряженнымъ темпомъ. Когда путешествія совершали пѣшкомъ или въ *колесницахъ*, тогда могли ораторовъ и проповѣдниковъ слушать часами. Теперь передвиженія совершаются по желѣзнымъ дорогамъ, трамваямъ, автомобилямъ, и человекъ завоевалъ воздухъ, по которому скользятъ съ неимоверною быстротою. Современные слушатели скорс утомляются и слишкомъ тяготеютъ толстыми книгами, длинными рѣчами и проповѣдями.

Проповѣдникъ долженъ особенно дорожить своимъ здоровьемемъ. Если артисты-пѣвцы, борцы цирковъ подчиняются стро-

тому режиму жизни, то это тѣмъ болѣе долженъ сдѣлать учитель Христовой Церкви—продолжатель дѣла Спасителя міра.

Для рѣчей и проповѣдей необходимо имѣть нормально развитыя легкія, крѣпкую грудь, прекрасно развитой громкій голосъ и ясный, правильный, чистый языкъ. Все это даетъ человѣку его физическое здоровье при извѣстномъ регулярномъ упражненіи. Свой голосъ нужно обрабатывать, развивать, чтобы онъ былъ послушнымъ орудіемъ и могъ свободно, легко выражать мысли и всѣ переживанія проповѣдника. Всѣ недостатки языка—шепелявость, невыговариваніе тѣхъ или другихъ буквъ и проч. путемъ настойчивыхъ упорныхъ упражненій должны быть устранены. Примѣромъ, особенно убѣдительнымъ, долженъ служить Демосѣенъ, который сдѣлался блестящимъ, изящнымъ ораторомъ Греціи; а прежде это былъ человѣкъ съ плохимъ голосомъ, заика, и во время своей рѣчи подергивалъ плечомъ. Борьба съ этими недостатками посредствомъ разнообразныхъ упражненій, которыя были ведены въ строго опредѣленной системѣ, избавили Демосѣена отъ нихъ.

Въ импровизаціи необходимо часто упражняться, потому что этотъ даръ, развивъ до извѣстной высоты, проповѣдникъ можетъ не только ослабить, но даже совершенно утратить. Золотой совѣтъ даетъ святитель Златоустъ: „такъ какъ сила слова зависитъ не отъ природы, но отъ ученія, то хотя бы кто довелъ ее до совершенства, можетъ опять потерять, если стараніемъ и упражненіемъ не будетъ развивать этой силы“.

Въ заключеніе, отцы, считаю своимъ долгомъ напомнить, что знаніе техническихъ приемовъ импровизаціи имѣетъ громадное значеніе для живого, свободнаго, изустнаго слова проповѣдника. Сила же проповѣди, ея животворность на слушателей есть даръ благодати Животворящаго Духа Божія, который проникаетъ весь міръ и особенно душу проповѣдника Слова Божія. Вліяніе проповѣди стоитъ и въ тѣсной зависимости отъ нравственнаго облика проповѣдника. Мы не говоримъ уже про учителей Христовой Церкви, которые были замѣчательными проповѣдниками и людьми безупречной, святой жизни. Даже и языческіе великіе ораторы были замѣчательными людьми своего времени: ихъ слова лишь выражали или обнаруживали внутреннія сокровища ихъ мыслей, чувствъ и стремленій. Проповѣдь сама по себѣ должна быть вся проникнута молитвенною стихіею, имѣть глубокій психологическій анализъ, который долженъ вскрыть душу святого и даже отчаяннаго грѣшника. Въ проповѣди необходимы убѣдительныя, бесспорныя побужденія къ христіанской добродѣтели, отвращенію ко грѣху и указаніе средствъ какъ путей жизни, которыя должны дать полную возможность каждому хри-

стіанину осуществлять въ своей жизни завѣты Христа Спасителя міра.

Слово профессора протоіерея А. Ө. Преображенскаго.

О. Преображенскій въ своемъ словѣ главнымъ образомъ предостерегалъ противъ излишняго увлеченія техникою импровизаціи. Вопросъ объ импровизаціи,—приблизительно такъ говорилъ онъ,—вопросъ давній, вопросъ сложный и трудный. Здѣсь трудно рѣшать по первому впечатлѣнію; чтобы составить вѣрное сужденіе, необходимо принимать во вниманіе и психологическую сторону предмета, и законы слова и, наконецъ, интересы церковно-богослужебной практики. Около вопроса объ импровизаціи составила громадная литература,—и что-же мы видимъ? Завязтые такъ сказать, теоретики и практики проповѣдники,—люди съ большимъ и блестящимъ опытомъ,—приходятъ, однако, въ рѣшеніи этого вопроса къ диаметрально противоположнымъ выводамъ. Если, напр., знаменитый покойный архипастырь-проповѣдникъ Высокопреосвященный Амвросій Харьковскій считалъ импровизацію самымъ желательнымъ, *нормальнымъ* путемъ проповѣдничества, то не менѣе знаменитый у себя на родинѣ престарѣлый протестантскій проповѣдникъ Либнеръ на пастырской коференціи въ Шенефельдѣ нашелъ возможнымъ для себя выразиться такъ энергично: «проклять всякій, кто станетъ импровизировать». „Нельзя дѣлать дѣло Божіе съ небреженіемъ“. Само собою понятно, что для исключительно одаренныхъ личностей, для людей, имѣющихъ широкій пастырскій опытъ и извѣстный запасъ опыта въ свободной передачѣ мыслей (постоянный литературный трудъ, законоучительство...), для пастырей, у которыхъ нравственная духовная связь съ паствою вполне окрѣпла, которые вполне слились съ приходомъ, всецѣло вошли въ его жизнь и среду, пользуются здѣсь непоколебимымъ авторитетомъ,—для такихъ пастырей импровизація можетъ стать *нормальнымъ* путемъ учительства, для пастырей же молодыхъ, неопытныхъ, еще мало-авторитетныхъ, тѣмъ болѣе—нервныхъ, но смѣло берущихся за импровизацію,—последняя является очень рискованнымъ предпріятіемъ, поправить которое не удастся никакой техникой, «ибо способности къ живому слову» не столько обучаются, а она *наживаетъ*. Приходилось и приходится наблюдать, какъ часто вѣра въ магическое дѣйствіе экспромта, надежда на вдохновеніе были плохой школой для многихъ проповѣдниковъ, обѣщавшихъ стать хорошими учителями прихода... Для проповѣди *прежде всего существенно* не умѣнье произнести ее безъ приготовленія, а то, чтобы она была составлена содержательно и въ данный моментъ вылилась непринужденно изъ вашего ума и